

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Сказка

Жила около нашей Тарусы бабка Матрёна, знатная свинарка.

Когда пришли немцы, всех свиней забрали, а эту бабку к свиньям приставили и сказали:

— Будешь пасти—хлеб, не будешь пасти—петля.

Пасёт бабка свиней, сердце над ними рвёт: тощают свиньи! Что ни час, то тощей. Никак им немецкий корм впрок не идёт.

Только видит бабка Матрёна, что-то одна свинка—белая щетинка жиреть стала.

«С чего бы это?» подумала бабка и давай за этой свинкой следить.

И вот видит бабка, перед вечерком вильнула свинка закорючкой—и в лесок! Бабка—за ней.

А в Тарусе нашей прежде мраморы добывали, так за леском каменоломни шли. Свинка в каменоломню—и бабка за ней,— чуть ног не переломала.

Смотрит бабка Матрёна: пещера, и весь пол в ней желудями покрыт. Свинка за жолуди принялась, а бабка осматриваться стала. Видит, в другую пещеру вход. Бабка—туда, и чуть у ней от страха сердце из груди не вырвалось!

Стоит в пещере большой конь золотой, на нём чепрак из золота литого, поверх чепрака седло, всё от алмазов светло! И к тому седлу буйной головой приклонившись, спит богатырь-великан в старинных серебряных одеждах. Левая нога у великана в стремя вдета, вот-вот великан на коня вскочит...

Ахнула бабка Матрёна, конь от того фыркнул, великан проснулся, голову от седла оторвал, взглянул на бабку грозно и страшным голосом спросил:

— Разве мой час наступил?

Обомлела бабка и с испугу ответила:

— Нет!

Тотчас великан на седло голову свою приклонил и уснул. Бабка же без памяти до села бежала. А пришла домой, думать стала: что к чему? Так ли она великану отвечала и какого он часу ждёт?

К утру видит бабка: загоняют немцы наших старых людей да наших малых детей по избам, обливают те избы бензином, кричат:

— Сейчас сожжём живыми за ненадобностью!

Стоит толпа девушек, парней наших, по рукам-ногам скованных.

— Этих в Германию гоним,—кричат немцы,—пускай на нас работают!

Кругом смертное несчастье!

Тут бабка Матрёна как закричит:

— Так не быть же такому!

Как взвихрится, как припустится со всех ног через лесок! Немцы было стрелять по ней стали, не попали: на ногу бабка легка оказалась.

Вскочила Матрёна в пещеру с шумом. Конь от этого уж не зафыркал, а заржал, богатырь разом сон потерял и громовым голосом спрашивает:

— Разве мой час наступил?

Кинулась ему бабка Матрёна в ноги, кричит:

— Наступил, наступил, батюшка!

И разом её, как ветром, откинуло.

Мигом перенёс богатырь через седло правую свою ногу и выехал на коне золотом из каменоломни, весь сияя, как солнце. А за ним из пещеры повалила несметная рать!

Идут русские воины, войска за войсками, полки за полками, один другого грозней, один другого родней. И не видать войску этому русскому ни конца, ни края!

Быть великой победе!

ЗНАКОМЫЕ ШАГИ

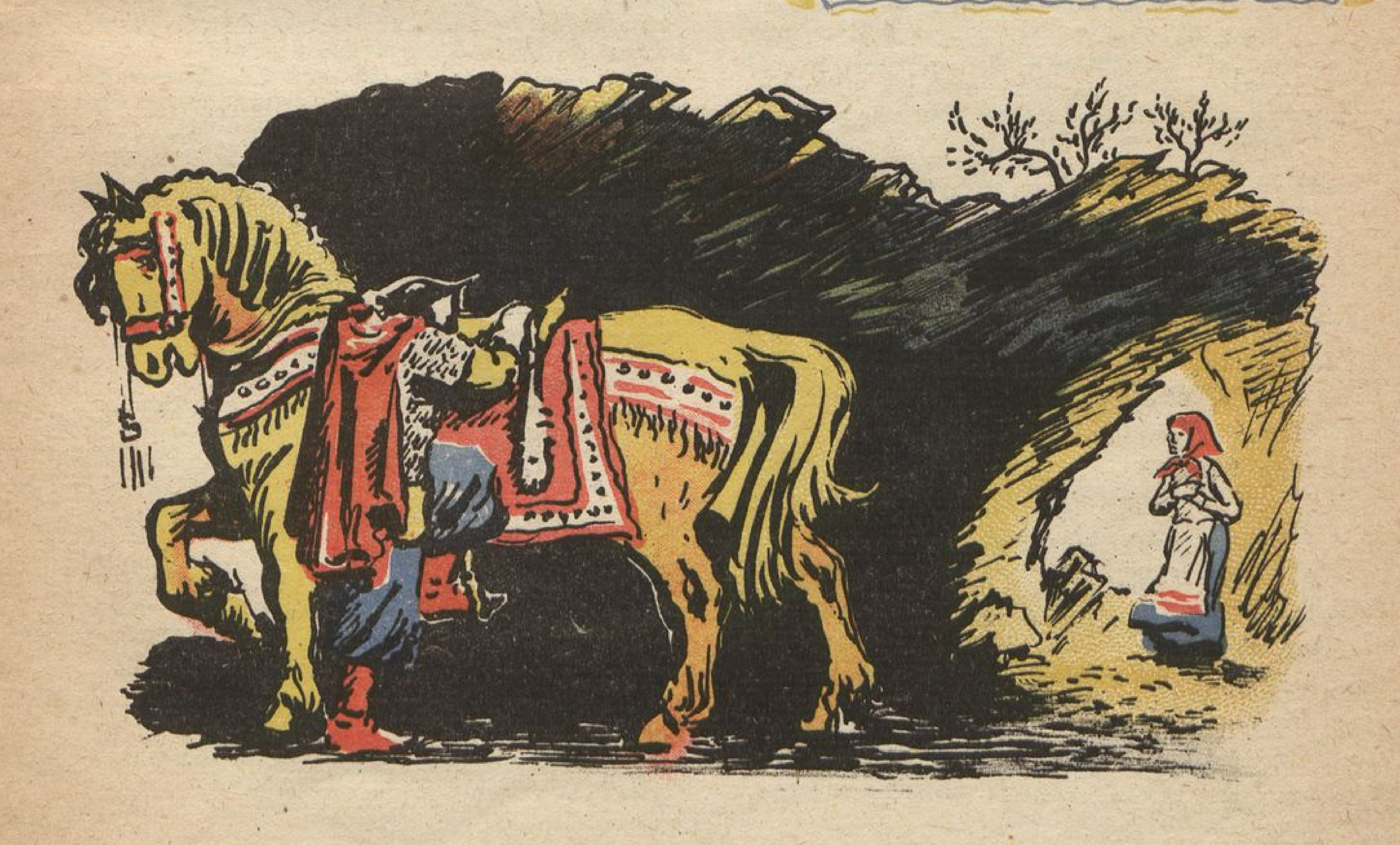
— О чём поёт, хозяюшка,
Твой чайник на огне?
— О том, что муж с победою
Торопится ко мне!

— Какой рисунок, девочка,
Прибила ты к стене?
— Войну нарисовала я
И папу на коне!

— Ну, что ты, серый, моешься,
Мурлычешь на окне?
— Хозяин мой воротится,
Погладит по спине!

— Тебе не спится, бабушка,
Забыла ты о сне?
— Шаги сыночка милого
Я слышу в тишине!

Е. Тараховская

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

МОРСКОЙ ОХОТНИК

Рис. М. БУТРОВОЙ

ДЕВОЧКА С МИШКОЙ

По правде сказать, у Кати не было никакого плана, как и где искать Королькова. Никогда прежде не слышала она о человеке с такой фамилией. И хотя загадочные слова, сказанные раненым краснофлотцем, глубоко взволновали её, она вовсе не сразу побежала искать этого таинственного Королькова, потому что сегодня мысли её были заняты совсем другим. Сегодня она должна была во что бы то ни стало выяснить, кто такая девочка с мишкой.

«Девочкой с мишкой» называла она про себя одну совсем незнакомую девочку, которую заметила во время своих путешествий по городу. Эта девочка жила совсем одна в маленьком чистеньком домике и постоянно громко разговаривала со своим плюшевым мишкой.

Катя не раз следила через ограду с улицы, как она ходит по открытой веранде своего домика, поглядывает на море и разговаривает с мишкой, как будто мишка—это человек. На вид ей было столько же лет, сколько и Кате. Это слишком мало для того, чтобы жить одной, и слишком много для того, чтобы играть с плюшевым мишкой.

В общем это была довольно хорошенькая девочка и, главное, очень опрятная: белое платье всегда чистое, выглаженное, на голове бант, туфли начищены. Катя подолгу стояла на улице и смотрела, не появится ли из домика мама девочки или тётя. Но ни мама, ни тётя не появлялись. Девочка жила одна. И разговаривала только со своим мишкой.

Кате давно хотелось узнать, о чём девочка говорит со своим мишкой, кто она такая, почему она всегда одна. Катя мечтала познакомиться с ней, может быть даже подружиться. Она всё откладывала знакомство—от застенчивости. Катя, по правде говоря, была очень застенчива, хотя не признавалась в этом даже себе самой. Но сегодня она решила познакомиться с ней непременно.

Едва Лида ушла, Катя отправилась в путь. Горячие камни обжигали ей голые пятки, и она подпрыгивала на каждом шагу. В этом городе очень трудно ходить босиком: такое в нём всё колючее и горячее.

Дом девочки с мишкой стоял на краю города, и итти туда было бы далеко, если бы Катя пошла по улицам. Но обстрелы и бомбёжки, разрушив многие дома и ограды, проложили в городе совсем новые пути и проходы, и все эти пути и проходы были известны Кате. Нырнув в груду развалин, она полезла напрямик, всё вверх и вверх по склону, усыпанному обломками камня, извёсткой, битым стеклом. Колючие мячики чертополоха со всех сторон прилипали к Катиному платью. Здесь не было никого, кроме маленьких ящериц, которые грелись на камнях и поглядывали на Катю крохотными бусинками глаз.

Когда пустырь кончился и Катя снова вышла на улицу, она сразу оказалась в верхней части города, и сад Дракондиди зеленел далеко внизу. По улице шёл только один человек.

Он шёл впереди, и Катя видела его спину. Это был военный моряк, не высокий, но коренастый и плотный. На погонах его блестели золотые полоски. В левой руке нёс он что-то, завёрнутое в полотенце или в салфетку.

Катя решила, что это, безусловно, моряк с того катера, который они видели с Лидой. Никаких других судов у мола не было. Зачем этот моряк зашёл так далеко от мола? Любопытно бы узнать, куда он идёт. Но Катя свернула в ворота разрушенного санатория — так было ближе — и потеряла моряка из виду.

Она прошла мимо здания санатория, белые колонны которого, когда-то подпиравшие крышу, теперь торчали прямо в небо, как большие пальцы, прошла через парк, снова вышла на улицу и оказалась как раз против домика девочки с мишкой.

Домик этот стоял в саду, а сад был обнесён невысокой каменной оградой. Ветви роз, буйно разросшиеся, с большими мохнатыми

цветами, свешивались через ограду на улицу. Шагах в двадцати от калитки улица горбилась, и там, на горбу, было то место, откуда Катя могла видеть, что делается за оградой.

Та девочка была у себя на веранде, оплетённой кудрявыми побегами винограда: в просветы между широкими листьями Катя хорошо её видела. Она была одна, если, конечно, не считать мишки. Мишка, большой, кое-где потёртый, сидел в соломенном кресле, выставив вперёд все четыре лапы. Девочка стояла возле стола, и руки её быстро двигались. Она набивала машинкой папиросы.

Работая, она разговаривала с мишкой. Катя слышала её голос, но слов разобрать не могла. Катя подошла к ограде сада. Но и отсюда слов расслышать было невозможно. Убедившись, что улица пуста, Катя влезла на ограду.

Она уже стояла на ограде, когда ей пришло в голову, что, пожалуй, приличнее войти в калитку. Но было уж поздно. Девочка каждую минуту могла заметить её на ограде. Катя прыгнула в сад, в кусты роз, и смущённо притаилась.

— Мой папа вернётся! — говорила девочка мишке, и теперь Катя слышала каждое слово.— Он подымется на горку и крикнет ещё оттуда, с дороги: «Маня!» А я крикну: «Папочка вернулся!» и побегу к нему навстречу.

«Ага, её зовут Маня», подумала Катя.

— Потом он придёт сюда, на веранду, — продолжала Маня, — снимет китель, наденет халат, сядет в это кресло и начнёт мне рассказывать про свой катер. Я скажу: «Смотри, папа,

сколько папирос я тебе приготовила». Каждый день я набиваю для него тридцать папирос, вот уж три года, с тех пор, как умерла мама. Но никогда ещё у меня не было готово к его возвращению столько папирос, как сейчас. В эту коробку входит тысяча штук, и она уже полная... Что ты так глядишь на меня, Миша?

Она внимательно посмотрела в мишкины круглые пуговичные глаза.

— Не хорошо так глядеть на меня, Миша,— продолжала она с укором.—Ты не веришь, что он вернётся? Нет, нет, я по глазам твоим вижу — ты не веришь. Ты думаешь, он погиб во время десанта вон там, на том берегу...

Она взмахнула рукой в ту сторону, где, за морем, лежал еле видный берег, захваченный немцами.

— Не спорь, Миша, не спорь, ты так думаешь, — продолжала она с негодованием. — Ты наслушался разговоров. Ты слышал, что папин катер высадил ночью десант на том берегу, чтобы уничтожить немецкую береговую батарею. И батарею они уничтожили, и все вернулись на катер, кроме папы и краснофлотца Казаченко. И что стало с папой — неизвестно, потому что бой шёл в темноте и никто из вернувшихся папы не видел. И с тех пор прошёл месяц, а папа всё ещё не вернулся. И ты думаешь, что он не вернётся никогда...

Она с глубоким презрением смотрела на своего мишку.

— А мне всё равно, что ты думаешь, — сказала она. — Ты просто мешок с опилками, и я с тобою разговариваю только потому, что всегда одна. Надо же с кем-нибудь разговаривать... Неправда, мой папа вернётся! — воскликнула она громко.— И я буду ждать его и буду каждый день набивать для него папиросы, хотя бы сто таких коробок были полны папиросами до самого верха!..

Она отвернулась от мишки, и только пальцы её быстро работали. И Кате вдруг захотелось

подойти к ней и сказать что-нибудь ласковое. Неловко, конечно, вылезти прямо так, из кустов, и показать, что она подслушивала. Но ничего другого не оставалось, и Катя уж протянула руки, чтобы раздвинуть кусты, как вдруг кто-то осторожно постучал в калитку.

Катя сразу замерла.

«ТВОЙ ПАПА ВЕРНЁТСЯ!»

За калиткой стоял тот самый моряк с кульком подмышкой, которого она недавно видела на улице. Он, вероятно, не знал короткого пути и добрался сюда только сейчас.

Теперь Катя могла рассмотреть его лицо. Это был пожилой уже человек, с седыми усами, как у моряка, с загорелым лицом, словно вырезанным из дерева.

— Макар Макарыч пришёл! — крикнула Маня и побежала к калитке.— Как ваше здоровье, Макар Макарыч?

Моряк вошёл, как-то неловко держа кулёк своей большой ручищей, и остановился, смущённо переступая с ноги на ногу.

— С моим здоровьем ничего не сделается, — сказал он. — Я старый краб, меня море просолило, я такой солёный, что и после смерти сто лет пролежу, не испорчусь.

— Отчего вы так долго не приходили?

— Мы пять ночей дежурили у Песчаной косы. Сторожили немецкую подводную лодку.

Катя, как и все в городе, хорошо знала длинный узкий мыс, который называли Песчаной косой. Он начинался километрах в пяти от города и далеко вдавался в море.

— И выследили подводную лодку? — спросила Маня.

— Пока нет, — сказал Макар Макарыч. — Сегодня опять пойдём туда сторожить.

— И про папу моего ничего нового не узнали?

— Ничего нового, Манечка, — сказал Макар Макарыч очень грустно.

Он, видимо, спохватился и поспешно прибавил бодрым голосом:

— Но это не важно.

— Не важно? — спросила Маня. — Вы думаете, не важно?

— Значит, нужно ещё подождать, и капитан-лейтенант вернётся.

— Вот и я всё время говорю мишке: нужно ещё подождать, и он непременно вернётся!— воскликнула Маня.— Заходите, заходите, Макар Макарыч!

Она взбежала на веранду, и Макар Макарыч, неловко ступая, поднялся за ней.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, пододвигая к нему соломенное кресло. — Положите ваш кулёк на стол.

Он сел и положил кулёк на стол. Потом помолчал немного и сказал:

— Какая ты большая стала, Манечка!

— Ведь вы меня вот такой знали, Макар Макарыч,— сказала Маня и протянула руку чуть повыше стола.

— И не такой, а вот этакой,— поправил её Макар Макарыч и взмахнул рукой где-то совсем под столом.— Я помню, как твоя мама в первый раз привела тебя к нам на катер, к капитан-лейтенанту в гости. Мы тогда все любовались, какая ты хорошенькая. Ты несла на руках этого мишку, и он куда больше тебя был.

— Я помню этот день, — сказала Маня. — Такой счастливый день! В тот день мне подарили мишку и повели на катер, и мама была тогда ещё жива, и папа стоял на ветру в белой фуражке с золотом, и все его слушались, а мне он улыбался... Возьмите папиросу, Макар Макарыч. Это папины папиросы. Видите, сколько у него папирос? Ему будет, что курить, когда он вернётся.

Макар Макарыч взял папиросу, закурил и сказал:

— Вот и он так мне всегда говорил: «Возьмите папиросу, Макаров». Протянет портсигар и прибавит: «Это мне дочка набивала». Если он вернётся...

Но Маня вдруг рассердилась и перебила его:

— Почему вы говорите: «если он вернётся»? Нужно говорить: «когда он вернётся»! Он вернётся непременно! Разве вы больше не верите, что он непременно вернётся?

Макар Макарыч испугался.

— Верю, верю!—воскликнул он поспешно.— Ты не сердись, Манечка, если я не так сказал: это я сбился, я нечаянно.

— Хорошо, хорошо, Макар Макарыч, я не сержусь.

Но, видно, она была очень взволнована, потому что замолчала, сжав губы, и снова принялась усердно набивать папиросы.

Макар Макарыч тоже замолчал, встревоженно и грустно поглядел на неё. Помолчав, он поднялся и посмотрел на часы.

— Мне пора. До свиданья, Манечка!

— Посидите ещё, Макар Макарыч.

— Не могу, — сказал он. — Мне приказано быть на катере в девятнадцать ноль-ноль.

И пошёл к крыльцу.

— Постойте! — крикнула Маня. — Вы забыли свой кулёк!

Действительно, кулёк, который он принёс с собою, лежал на столе. Макар Макарыч остановился.

— Какой кулёк? — спросил он и посмотрел на кулёк так, как будто видел его в первый раз. — Ах, этот... Это не мой кулёк... Это твой кулёк... Команда катера велела передать тебе... как в прошлый раз... Там пустяки, ерунда: сахар... Твой папа немного задержался, и мы решили... До свиданья!

Он быстро сбежал в сад и, не оборачиваясь, зашагал к калитке.

— Куда вы? Постойте! — крикнула Маня и вдруг побежала за ним.

Но Макар Макарыч не остановился.

— Да постойте же! Я хотела спросить... Я не про кулёк...

Услышав, что она хочет спросить не про кулёк, Макар Макарыч обернулся — он был уже возле самой калитки — и подождал её.

— Я давно хотела вас спросить... — сказала она неуверенно.— Корольков верит?

— Лейтенант Корольков? — переспросил Макар Макарыч.

Услышав, что они говорят про Королькова, Катя чуть не выскочила из кустов. Вот так штука! Значит, они знают Королькова! И этот Корольков — лейтенант!

— Ну да,—сказала Маня,— я давно хотела вас спросить: Корольков верит, что мой папа вернётся?

— Верит, конечно, — сказал Макар Макарыч, но в голосе его не было настоящей твёрдости.

— Верит, но ещё меньше, чем вы? — спросила Маня.

— Меньше, чем я,—сказал Макар Макарыч.

Они долго молчали.

— Мне пора, — сказал наконец Макар Макарыч. — Лейтенант Корольков велел мне быть на молу в девятнадцать ноль-ноль. Он сейчас командует нашим катером... временно... пока нет вашего папы...

Она улыбнулась ему, запирая за ним калитку. Но когда широкие плечи его исчезли за оградой, она вдруг закрыла лицо руками. Она стояла спиной к Кате и беззвучно вздрагивала.

Катя вскочила и, прыгая через грядки с цветами, побежала к ней.

— Девочка, послушай, девочка!.. — сказала Катя.

Но Маня не обернулась.

Катя осторожно обошла её кругом, пытаясь заглянуть ей в лицо.

Маня плакала. Слёзы текли сквозь пальцы.

— Что ты плачешь?—сказала Катя, пытаясь оторвать руки от её лица. — Нет, ты мне скажи, отчего ты плачешь? Если ты мне не скажешь, я... я... я... сама заплачу...

— Они не верят, что папа вернётся, — проговорила Маня. — Они только утешают меня, а сами не верят...

— Я, я, я верю! — закричала Катя. — Он вернётся! Ну, не плачь! Ну, посмотри на меня!— Она опять попыталась оторвать Манины руки от лица. — Ты не знаешь меня, но это не важно, меня зовут Катя, и я говорю тебе: он вернётся!.. Куда же ты?

Но Маня, плача, побежала от неё прочь на веранду, а с веранды вбежала в комнату и захлопнула за собой дверь.

— Я верну твоего папу! — крикнула Катя.— Я ещё сама не знаю как, но я верну его!

ЛЕЙТЕНАНТ УСНУЛ

Когда Макар Макарыч Макаров, старый боцман с катера «Морской охотник», взошёл на мол, огромный красный шар солнца висел уже низко над морем. Ветер утих, и было жарко, как в полдень. Сквозь воду возле мола, спокойную и прозрачную, как стекло, далеко внизу были видны камни. Однако Макар Макарыч знал, что ночью будет ветер,— слишком уж красным было заходящее солнце.

Но пока пришвартованный к молу катер покачивался сонно и тихо, как большая люлька. На молу, возле катера, на деревянной тумбе, обмотанной канатами, сидел акустик Иванов. Это был тощий, высокий, сгорбленный человек с узким бледным лицом. Макару Макарычу сначала показалось, что Иванов дремлет. Но когда он подошёл ближе, Иванов вдруг поднял на него свои воспалённые от бессонницы глаза.

— Тсс! — проговорил он.

— Девятнадцать ноль-ноль,—сказал Макар Макарыч, поглядев на свои часы. — Где лейтенант?

— Тсс! Лейтенант спит!

— Спит?—Макар Макарыч понизил голос.— Это хорошо. Он пять ночей не спал.

Они все не спали пять ночей. Пять суток дежурили они у Песчаной косы, поджидали немецкую подводную лодку. И всё напрасно.

— У Манечки были? — спросил Иванов.

— Был, — ответил Макар Макарыч.

— Ну, как она? Всё ждёт отца?

— Всё ждёт.

— А вы ей говорили, что лучше бы она поехала в Баку к тёте? — спросил Иванов.

— Нет, не говорил.

— Почему?

— Духу нехватило, — сказал Макар Макарыч. — Если бы я сказал, она решила бы, что мы больше не ждём его.

— Она спрашивала, ждём мы его или не ждём?

— Спрашивала. Особенно про лейтенанта. Ждёт лейтенант Корольков или не ждёт?

— Что же вы ответили?

— Конечно, что ждёт.

— Но ведь надо же её постепенно подготовить... — проговорил Иванов неуверенно.

— А если наш капитан-лейтенант всё-таки жив? — сказал Макар Макарыч.

— Ох, если бы он вернулся! — воскликнул Иванов. — Как он нам нужен! Особенно сейчас, когда надо понять...

— Корольков всё старается понять? Всё мучается? — спросил Макар Макарыч.

— Тут измучаешься, — сказал Иванов.

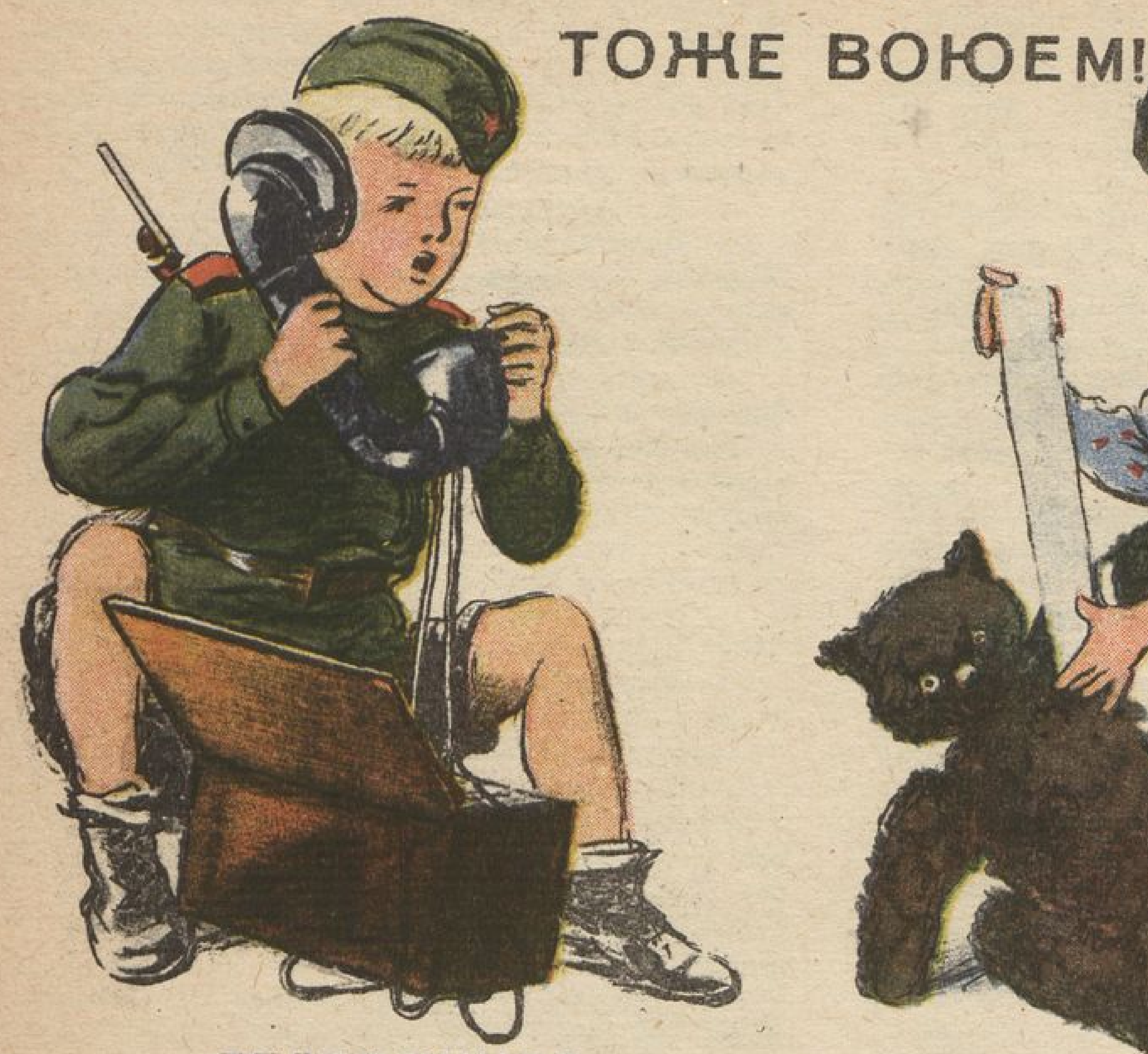
Они оба отлично знали, отчего мучается лейтенант Корольков. Немецкая подводная лодка почти каждый день появляется возле города. Появляется и исчезает, появляется и исчезает... Пройти сюда и уйти отсюда она может только возле Песчаной косы. И вот они пять суток продежурили у Песчаной косы и ни разу не заметили подводной лодки. Каково это Королькову, который только что принял на себя командование катером, после того как настоящий командир катера капитан-лейтенант Снегирёв исчез!

Акустик Иванов за эти дни и ночи измучился не меньше Королькова. Без отдыха и сна просидел он в крохотной каютке, надев на себя наушники шумопеленгатора и вслушиваясь в морскую глубину. Шумопеленгатор — удивительный прибор; с его помощью можно расслышать малейший звук под водой.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

МЫ ТОЖЕ ВОЮЕМ!

ТЕЛЕФОНИСТ

— Алло... «Юпитер»? Я — «Алмаз»!
Почти совсем не слышно вас!..
Мы с боем заняли село.
А как у вас?.. Алло... Алло...

СЕСТРА

— Что вы рычите, как медведь?
Пустяк осталось потерпеть!
И рана ваша так легка,
Что заживёт наверняка!

«Морской охотник»

— Там даже рыба не могла бы проплыть незамеченной, — сказал Макар Макарыч.

— Ну, рыба не рыба, а дельфина я бы услыхал, — проговорил Иванов уверенно.

— Как же она уходит? Через горы, что ли? — спросил Макар Макарыч.

— Нет, только не через горы.

— А что думает Корольков?

— Корольков думает: что если бы с нами был наш капитан-лейтенант, мы давно поймали бы эту подводную лодку.

Иванов помолчал, посмотрел на Макара Макарыча и вдруг прошептал:

— Казаченко в городе.

— Какой Казаченко? — воскликнул Макар Макарыч, потрясённый. — Володя Казаченко, который пропал на том берегу вместе с капитан-лейтенантом?

— Да.

— Казаченко в городе и не явился на катер?

— Он тяжело ранен.

— Перешёл через фронт?

— Разумеется.

— Корольков видел его?

— Нет. Доктор запретил. Но видеть его нет смысла. Он всё равно никого не узнаёт и ничего не понимает.

— Выживет?

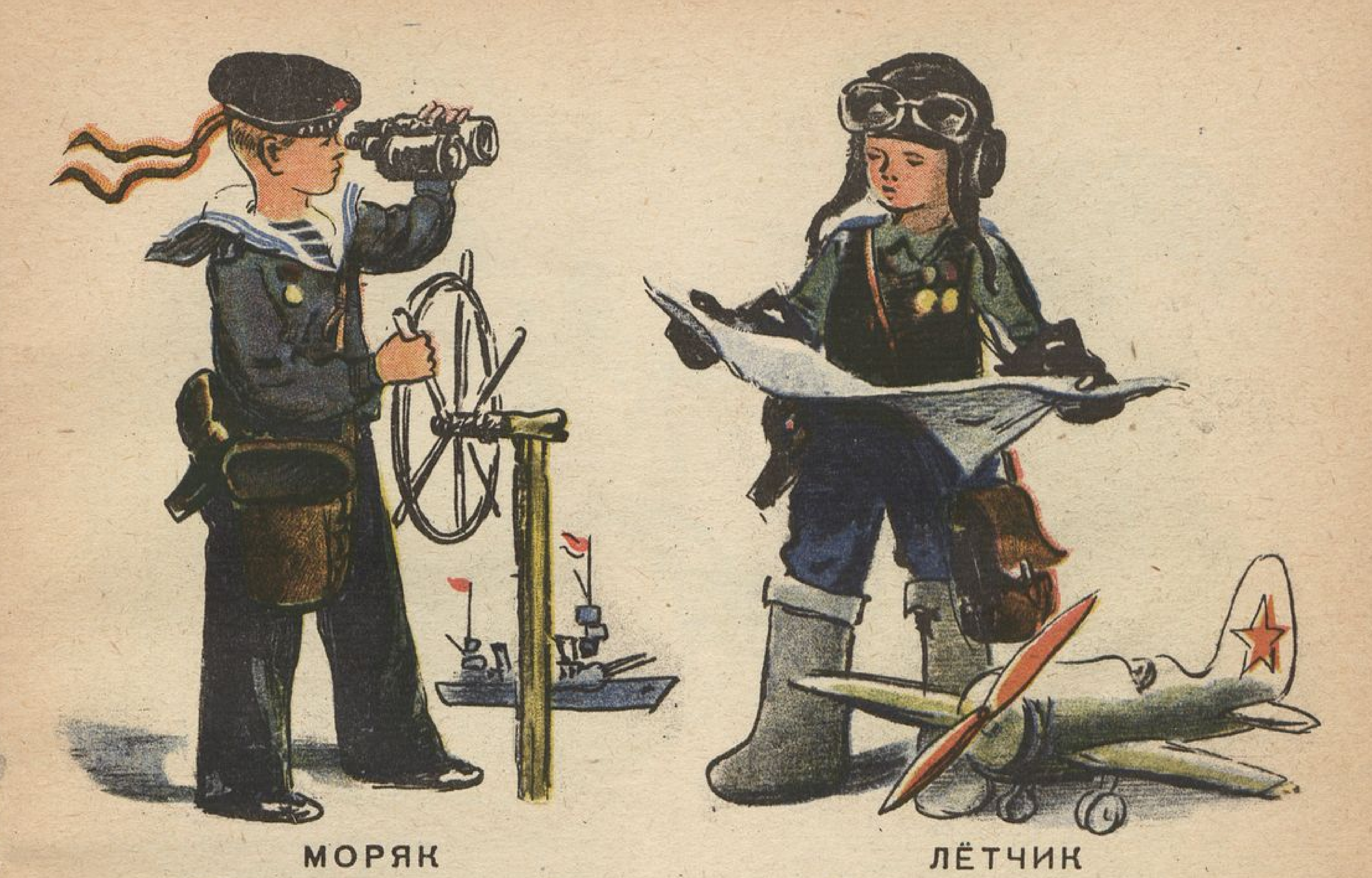
— Пока неизвестно.

— Он в госпитале?

— Нет, у одной здешней жительницы, которая подобрала его возле своего дома. Доктор считает, что пока лучше оставить его там.

— А что Корольков?

— Корольков спрашивал доктора, не рассказывал ли Казаченко чего-нибудь о капитан-лейтенанте. Но Казаченко только бредил, а потом и бредить перестал. Корольков вернулся от доктора ужасно взволнованный, зашёл в каюту и вдруг нечаянно заснул на диване. Сон повалил его.

МОРЯК

— На горизонте — самолёт!
По курсу — полный ход вперёд!
Готовься к бою, экипаж!
Отставить! Истребитель — наш!

ЛЁТЧИК

— Пехота — здесь, а танки — тут.
Лететь до цели семь минут.
Понятен боевой приказ!
Противник не уйдёт от нас!

— Вам бы тоже хорошо поспать, — сказал Макар Макарыч. — Отчего вы не спите?

— Не могу. Сон для меня уже не отдых. Только закрою глаза, и сразу чудится, будто на мне наушники и будто я снова слышу шорохи, шелесты, всхлипы морской глубины. Да и как тут поспишь, когда сейчас опять в море! Пойду проверю свой аппарат.

— Не разбудите лейтенанта.

— Не беспокойтесь.

Иванов медленно поднялся и ушёл на катер. Макар Макарыч остался на молу один. Он тоже мало спал за последнее время, однако спать ему не хотелось, — в его возрасте люди легче обходятся без сна. Он сидел, курил и думал. И вдруг увидел двух девочек, которые шли по молу прямо к катеру.

«ПРИДЁТСЯ ЕГО РАЗБУДИТЬ...»

Край солнца уже опустился в море, когда Катя вышла на мол, таща Лиду за руку. Они шли к лейтенанту Королькову. Они сейчас скажут ему те слова, которые просил передать раненый краснофлотец.

Впрочем, Лида попрежнему сомневалась в этих словах и шла неохотно.

— Видишь, солнце заходит, — сказала она, когда они вышли на мол. — Мама будет бегать по всему городу и искать меня. Она велит мне после захода солнца сидеть дома.

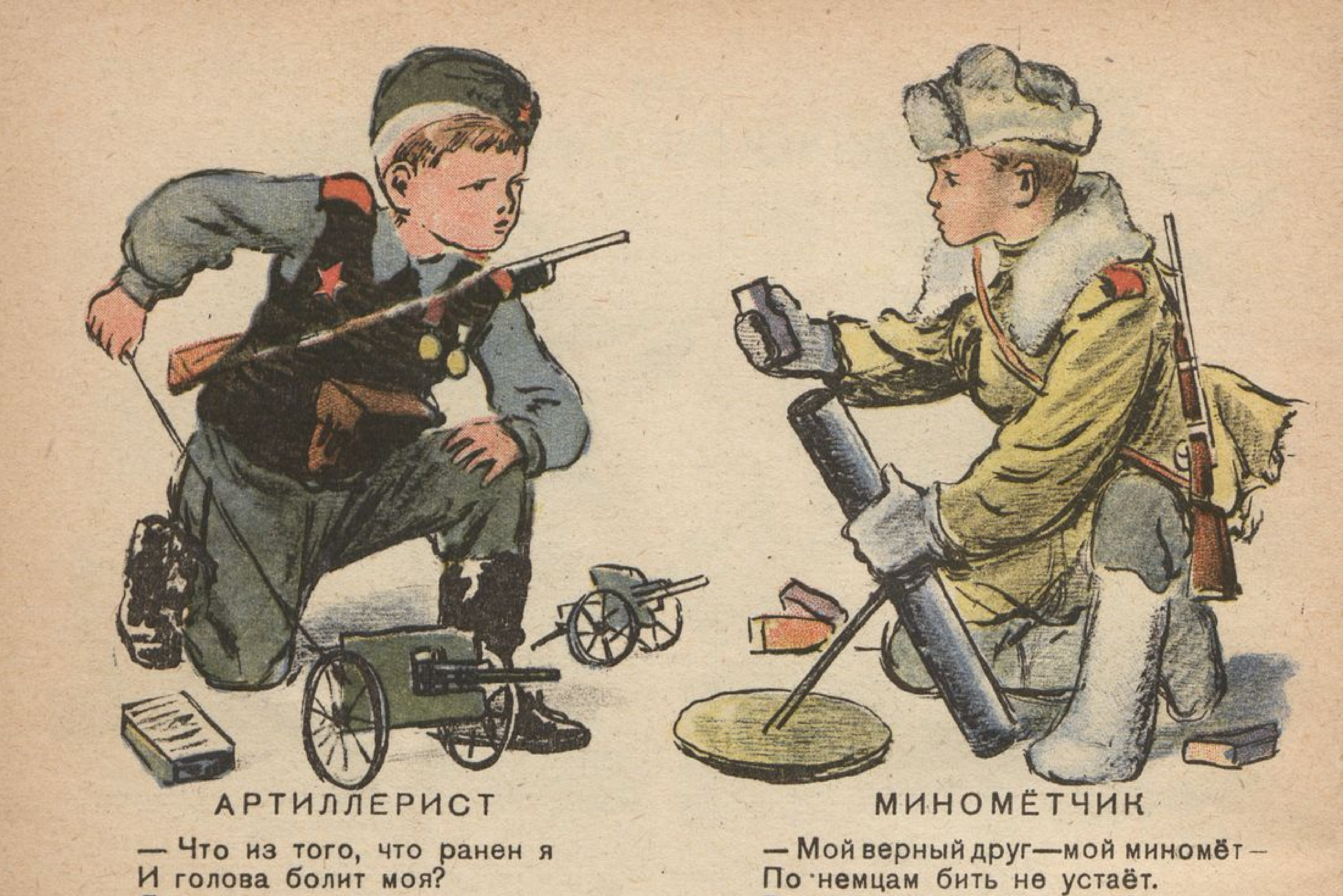
— Неужели твоя мама не понимает, что все самые таинственные и опасные дела совершаются после захода солнца? — спросила Катя.

— Мама отлично это понимает, — ответила Лида. — Потому она и хочет, чтобы после захода солнца я сидела дома.

Так подошли они к катеру и увидели Макара Макарыча. Он глядел на них прищурясь.

— Здравствуйте! — сказала Катя.

— Здравствуйте, — ответил Макар Макарыч. — И не кричите так громко. Здесь нельзя кричать.

АРТИЛЛЕРИСТ

— Что из того, что ранен я
И голова болит моя?
Я жив, и я ещё могу
Стрелять из пушек по врагу!

МИНОМЁТЧИК

— Мой верный друг—мой миномёт—
По немцам бить не устаёт.
Трепещет враг при свисте мин.
Не отстоит он свой Берлин!

«Морской охотник»

— Извините, пожалуйста, — тихо сказала Катя, стараясь говорить как можно вежливее. — Нам нужно видеть лейтенанта Королькова.

— Лейтенанта Королькова видеть нельзя.

— Почему нельзя? — удивилась Катя.

— Потому что он спит, — сказал Макар Макарыч.

Лида дёрнула Катю за руку — она считала, что нужно уйти. Но Катя уходить не собиралась.

— Мы пришли к нему по очень важному делу,— сказала Катя.— Придётся его разбудить.

— Разбудить? — Макар Макарыч засмеялся. — Как же вы собираетесь его разбудить?

— А мы попросим вас, — сказала Катя.

— Ого! — удивился Макар Макарыч.— Ну нет. Когда лейтенант Корольков с катера «Морской охотник» спит после пяти бессонных ночей и перед шестой бессонной ночью, я не стану его будить.

— Пойдём, Катя, пойдём, — прошептала Лида. — Видишь, ничего не выйдет.

— Молчи! — сказала ей Катя, и спокойно проговорила, обращаясь к Макару Макарычу:

— Хорошо, мы подождём, когда он проснётся. Скоро он проснётся?

— Может быть, и скоро, — ответил Макар Макарыч, — но вы всё равно его не увидите.

— Почему?

— Потому что, когда он проснётся, мы сразу уйдём в море.

— А когда вы вернётесь?

— Мы, может быть, сюда совсем не вернёмся. Мы, может быть, зайдём в другой порт.

От него ничего нельзя было добиться. Он не то шутил с ними, не то дразнил их. И Лида опять начала:

— Видишь, Катя, я говорила тебе...

— Молчи! — перебила её Катя.— Этот добрый моряк сейчас пойдёт и разбудит его.

Макар Макарыч, услышав, что его назвали «добрым моряком», удивился.

— Добрый? Ого! — сказал он. — А почём вы знаете, что я добрый?

— Вы очень добрый, — убеждённо проговорила Катя. — Я слышала, как вы разговаривали с той девочкой вон там, на горе.

АВТОМАТЧИК

— Вот я забрался на чердак.
Быть может, здесь таится враг?
Врага повсюду мы найдём,
За домом очищая дом!

ПЕХОТИНЕЦ

— Я — пехотинец рядовой.
Я с немцем дрался под Москвой.
В Берлине завтра буду я.
Вперёд за мной, мои друзья!

Макар Макарыч удивился ещё больше.

— С какой девочкой? — спросил он. — С Маней?

— Да, её зовут Маней. С той, у которой пропал отец.

— Ты знаешь её? — спросил Макар Макарыч встревоженно. — С ней что-нибудь случилось?

— Нет, с ней ничего не случилось, — сказала Катя. — Просто я хочу помочь найти её отца.

Тут Макар Макарыч от изумления даже качнулся на своей деревянной тумбе.

— Ого! — сказал он. — И ты можешь помочь найти нашего капитан-лейтенанта?

— Это мы ещё увидим, могу я или не могу, — ответила Катя. — Я сама пока не знаю, но прежде всего я должна передать лейтенанту Королькову те слова, которые просил передать раненый краснофлотец.

— Какой раненый краснофлотец?

— Который упал во дворе у Марьи Васильевны, Лидиной мамы.

— Наш Казаченко?

И Макар Макарыч вскочил с тумбы.

— Да, да, его фамилия Казаченко! — воскликнула Лида. — Мама нашла у него в кармане документ, и там написано: «Владимир Семёнович Казаченко».

— Казаченко просил что-то передать лейтенанту Королькову?

— Да, просил, — сказала Катя.

— Наверно, что-нибудь о нашем капитан-лейтенанте! — воскликнул Макар Макарыч в сильнейшем волнении. — Что же он просил передать?

— Ну нет, этого я вам не скажу, — ответила Катя, прямо глядя ему в глаза. — Это тайна. Он говорил: «Передайте Королькову», и я передам только Королькову.

Макар Макарыч, видимо, растерялся. Он сначала, казалось, собирался рассердиться на Катю, но передумал.

— Придётся разбудить, — сказал он.

И одним прыжком перескочил на палубу катера. Он нырнул в люк, оттуда, из люка, донёсся до девочек его громкий голос:

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить...

(Продолжение следует.)

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

РИС. В. КОНАШЕВИЧ

МОСКВА

О ТАТАРАХ-БАСУРМАНАХ

Как за Волгой, на востоке,
Были земли басурман.
Кочевал в степях широких
Злой Батый, татарский хан.
И татары не имели
Деревень и городов.
По ночам в степи сидели
У кибиток и костров.
Был татарин хищным, смелым,
Был наездником умелым.
Нашим дедам в старину
С ним пришлось вести войну.
И была врагом могучим
Басурманская орда,
Налетала чёрной тучей
И сжигала города.

О НАШЕСТВИИ БАТЫЯ

Вёл Батый издалека
На Москву свои войска.
Где пройдёт орда Батыя —
Города стоят пустые,
Сёла выжжены дотла:
Только кости да зола.
К берегам Москвы-реки
Хан Батый привёл полки.
И татарин хитрый, смелый,
До зубов вооружён,
Мечет огненные стрелы,
Лезет в Кремль со всех сторон.
Занялись у стен пожары,
Загорелся Кремль свечой.
Всё дотла сожгли татары
И умчались саранчой.

Так татары много раз
Приходили грабить нас.
Много раз Москва страдала,
Разрушалась, выгорала,
Много тысяч москвичей
Погибало от мечей.
А людей живых, на горе,
Угоняли степью к морю —
На чужие корабли.
К туркам, к персам их везли.
Турки пленных у татар
Покупали, как товар.

О ТОМ, КАК РУССКАЯ ДЕВУШКА БАЮКАЛА ТУРЧОНКА

За горами, за морями,
На турецкой стороне
Русской девушке Ульяне
Кремль привиделся во сне.
То-то радость и удача
По Кремлю во сне гулять!
Да чужой младенец плачет —
Не даёт Ульяне спать.
Спать Ульяне не даёт,
Пусть она ему поёт:
«Спи, турчонок, баю-бай!
Спи, турчонок, засыпай!
И чего тебе не спать?
У тебя — отец
и мать,
У тебя — богатый
дом,
Ты живёшь в краю
родном,

А Ульяна — сирота,
Пропадает красота.
Злым татарином она
На базаре продана
За турецкую деньгу
На чужом на берегу.
Лихо-горе, засыпай!
Спи, турчонок, баю-бай!»

О МОСКВИЧАХ, СХОРОНИВШИХСЯ В ДЕБРЯХ

В дебри, в заросли густые,
Где сычи кричат в ночи,
От свирепого Батыя
Схоронились москвичи.
Их укрыли сосны, ели
На худые времена.
С высоты на них смотрели
Звёзды, солнце и луна.
Ёлки ветками качали,
В тишине звенел ручей.

У ручья в войну играли
Дети наших москвичей.
Уцелели эти дети
От меча и от стрелы,
И от злой татарской плети,
И турецкой кабалы.
Эти самые ребята,
Что росли в лесной траве,
Снова строили когда-то
Дом за домом на Москве.

О НАШЕМ РУССКОМ НАРОДЕ

Как гроза могучей силы
Налетела в ясный день,
Дуб могучий сокрушила,
И остался только пень.
Вот стоит он, старый, чёрный,
При дороге, весь в пыли,
Но остались живы корни,
И от них ростки пошли.
И опять растут дубки,
Долговечны и крепки.
Так и войны-ураганы
Проносились над Кремлём,
Истребляли басурманы
Нашу родину огнём.
Но сильнее год от года
Становились города.
Корни русского народа
Не иссохнут никогда.

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

Редактор—Вит. БИАНКИ

Издатель—журнал «МУРЗИЛКА»

ФЕВРАЛЬ—МАРТ

НАШЛИСЬ

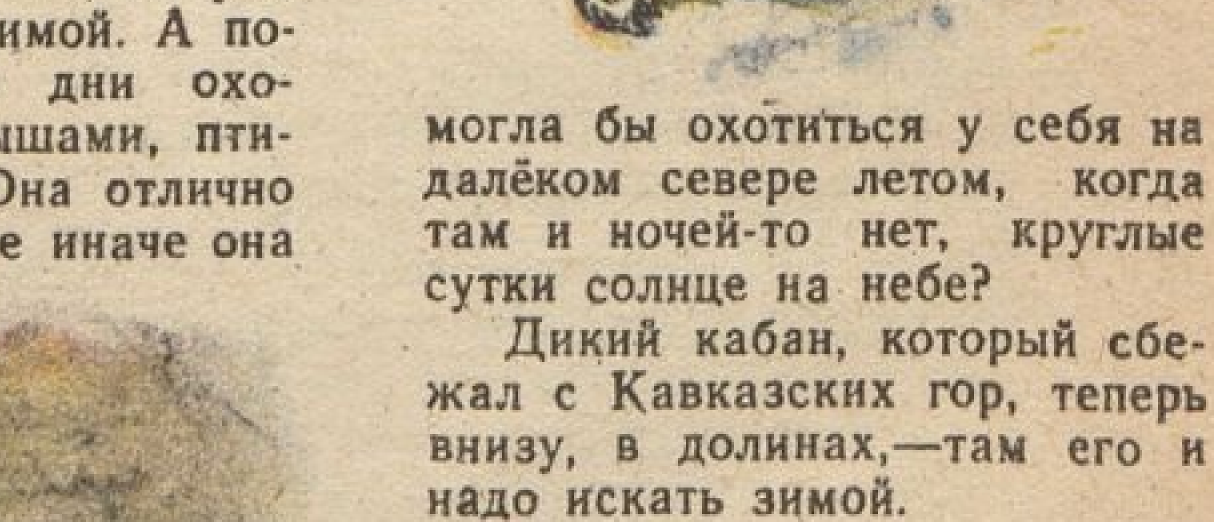
По просьбе наших лескоров сообщаем, куда девался крот. Лескоры наши разрыли его нору—и не нашли хозяина дома.

Крот—он хитрый. Лескоры потому не нашли его, что разрыли его летнюю нору. А он ещё с осени стал рыть себе новые ходы и ушёл глубоко под землю. Там, в глубине, он делал себе новое гнездо — спальню. Но спит в ней зимой не многим больше, чем спал летом. Там тепло: земля ведь промерзает зимой только у поверхности.

Крот—неутомимый охотник. А дичь его—земляные черви и личинки майских жуков. Дичь эта, как только начала промерзать почва, стала зарываться всё глубже и глубже. А крот уже там, в глубине, и ждёт её. Притащит червя в кладовую, укусит его в затылок и бежит за следующим.

И белоснежная сова и рогатый жаворонок нашлись. Их видели наши лескоры в разных местах: и под Москвой, и под Ленинградом, и на Украине, и в Крыму. Оказывается, эти птицы летают зимовать к нам в Среднюю и Южную Россию. Рогатый жаворонок собирает себе корм по дорогам, но уж, конечно, не поёт зимой. А полярная сова целые дни охотится у нас за мышами, птицами и зайцами. Она отлично видит днём как же иначе она могла бы охотиться у себя на далёком севере летом, когда там и ночей-то нет, круглые сутки солнце на небе?

Дикий кабан, который сбежал с Кавказских гор, теперь внизу, в долинах,—там его и надо искать зимой.

Нашедшим всех этих потеряшек было обещано вознаграждение. Вот оно: кто их нашёл, может взять их себе совершенно бесплатно — в награду.

Хитрый расчёт

Зимой волки так обнаглели, что почти каждую ночь стали появляться прямо на улицах нашего городка: то козу зарежут, то собаку. И мы с Васькой решили объявить войну им.

Штаб наш помещался на печке у деда Сергуни. Дед сказал нам:

— Голова — моя, ноги — ваши. И по-солдатски: приказано — сделано!

Первым делом он послал нас в разведку. Мы побежали на лыжах вдоль волчьих следов и вечером доложили деду: волки приходят из-за реки. В густом кустарнике на берегу два лаза. Но волчьи следы только в одном. Если минировать этот проход, — поставить тут капкан, — наверняка попадут.

— Поставьте капкан, — сказал дед.

Он давно обучил нас, как ставить капканы шито-крыто. Мы и рукавиц не снимали, чтобы запаха не осталось от рук. По всем строгим правилам поставили.

Ту ночь мы с Васькой плохо спали и вскочили до света. В школу решили не ходить. Взяли ружьё — дострелить волка в капкане, и салазки — везти его.

А дед на нас с печки:

— Вы что? Не было такого приказа, чтобы в школу не ходить. Без надобности вам салазки.

Мы думали, он забыл, что у нас капкан поставлен. Толкуем ему, а он и слушать не хочет.

Расстроились мы.

Отсидели уроки — и сразу на лыжи да к реке.

Прибежали — нет волка в капкане!

Вернулись, доложили деду. Он говорит:

— А вы — салазки! Волк — он хитрый зверь. Видишь: за три метра железо чует, даром что оно под снегом.

И велел нам ещё два капкана взять. Один поставить рядом с первым, а другой — на втором лазу.

Пошли мы: приказ ведь. По дороге Васька и говорит:

— Из ума выжил дед Сергуня. Раз от волков одного капкана под снегом не спрячешь, так два капкана они ещё лучше учуют.

Поставили всё-таки, как приказано.

Наутро дед сам нас будит.

— Ступайте, проверьте. Да ружьё и салазки прихватите: небось, нынче не с пустыми руками вернётесь.

Вышли мы. Темь. Мороз. Васька ругается.

Подходим ко второму лазу — ничего. Подходим к первому — слышим: цепь гремит!

Тут уж светать стало. Глядим: здоровый волчище на цепи мечется. Капканы-то ведь у нас на железной цепи, и цепь к дереву привязана, чтобы зверь капкана не уволок.

Сейчас — бах! — застрелили. И так с капканом мы его на салазки и навалили. Домой везли, нарочно три квартала кругу дали, чтобы побольше народу видело.

— Порядок! — сказал дед. — Так оно и должно было выйти. Сунулись волки первым лазом — чуют: железо! Они вторым. Опять железо! Вернулись на старый свой, привычный лаз: перемахнём, думают. Передний махнул, — второго-то капкана им не слышно, — в аккурат во второй капкан и попал.

— Железо-то всё сняли? — спрашивает. — Так и так больше уж этими лазами ни один зверь не пойдёт: учёные!

Мы с Васькой и забыли про другие два капкана. Вернулись за ними, заодно следы посмотрели.

По следам выходит всё, как дед Сергуня нам объяснял.

Вот какой у нас начальник штаба: всё наперёд рассчитал. Даром что третий год с печи не слезает.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

НЕ ЗАБУДЬ

сделать кормушку для птиц и каждое утро подсыпать в неё корм: хлебные и мясные крошки, а если достанешь, то и конопляное семя. Настало самое голодное время для птиц. Помоги им перебиться до весны.

СООБЩИ

нам, какие птицы прилетают к тебе на кормушку; нарисуй их и опиши нам.

Мы сообщим тебе их названия.

ЧТО ЧИТАТЬ?

Сетон Томпсон — старейший американский писатель. Ему сейчас 84 года. Его книги о животных читают дети всего мира.

Детство писателя прошло среди дикой природы Канады, на ферме, окружённой дремучими лесами. С юных лет писатель наблюдал птиц и животных, зарисовывал их, жил в лесной хижине, учился искусству наблюдения у индейцев, замечательных следопытов, охотился и странствовал вместе с ними. Эту любовь к природе Сетон Томпсон пронёс через всю свою большую и деятельную жизнь. Он стал художником, писателем и учёным.

Его рассказы занимательны и правдивы. Дети Советского Союза любят книги Сетона Томпсона. Природа Канады похожа на природу севера нашей родины. Виннипегский волк, медвежонок Джонни и многие другие герои рассказов Сетона Томпсона имеют своих родичей в лесах нашей страны.

Сейчас Детгиз выпустил сборник рассказов Сетона Томпсона «Виннипегский волк».

Советуем читателям «Лесной газеты» прочесть его.

И. Х.

Держи вора!

Когда редактор прочитал в «Лесной газете» письмо Притворяшки-вора, он побежал домой и обнаружил у себя в столе изгрызенную бумагу и маленького кругленького жучишку. Жучишка лежал на спине, лапки кверху. Он мёртв.

Редактор бросил жучишку в пепельницу и пошёл обедать. А когда вернулся, жучка в пепельнице уже не было: он сбежал.

Кто встретит вот такого жучишку, как тут нарисован, хватайте его за шиворот, живого или мёртвого, и тащите к нам.

Это и есть Притворяшка-вор. Он ест крупу, хорошую бумагу, книги, меховые вещи, а попадётся — прикинется мёртвым. Такой жулик жучишка!

Картинки к «Лесной газете» рисовал А. Комаров.

РАССЕЯННЫЙ ВОЛШЕБНИК

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

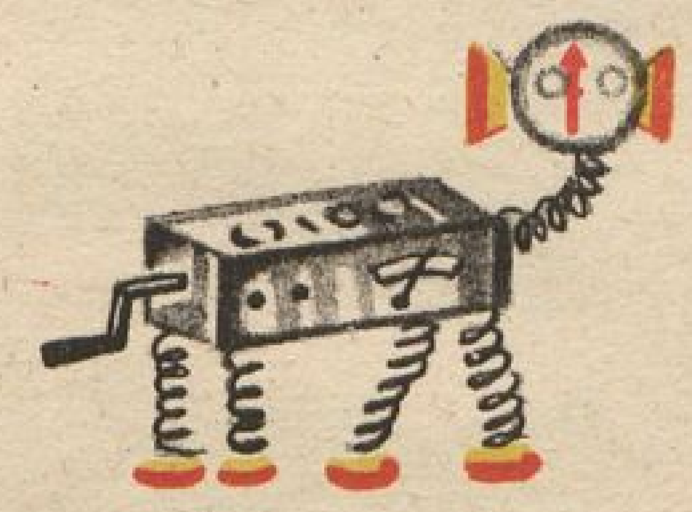
Рис. А. ПОРЕТ

Сказка

Жил-был на свете один учёный, настоящий добрый волшебник, по имени Иван Иванович Сидоров. И был он такой прекрасный инженер, что легко и быстро строил машины, огромные, как дворцы, и маленькие, как часики. Между делом, шутя, построил он для дома своего чудесные машинки, лёгкие, как пёрышки. И эти самые машинки у него и пол мели, и мух выгоняли, и писали под диктовку, и мололи кофе, и в домино играли. А любимая его машинка была величиною с кошку, бегала за хозяином, как собака, а разговаривала, как человек. Уйдёт Иван Иванович из дому, а машинка эта и на телефонные звонки отвечает, и обед готовит, и двери открывает. Хорошего человека она пустит в дом, поговорит с ним да ещё споёт ему песенку, как настоящая птичка. А плохого прогонит, да ещё залает ему вслед, как настоящий цепной пёс. На ночь машинка сама разбиралась, а утром сама собиралась и кричала:

— Хозяин, а хозяин! Вставать пора!

Иван Иванович был хороший человек, но очень рассеянный. То выйдет на улицу в двух шляпах разом, то забудет, что вечером у него заседание. И машинка ему тут очень помогала: когда нужно—напомнит, когда нужно—поправит.

Вот однажды пошёл Иван Иванович гулять в лес. Умная машинка бежит за ним, звонит в звоночек, как велосипед. Веселится. А Иван Иванович просит её:

— Тише, тише, не мешай мне размышлять.

И вдруг услышали они: копыта стучат, колёса скрипят.

И увидели—выезжает им навстречу мальчик, везёт зерно на мельницу.

Поздоровались они.

Мальчик остановил телегу и давай расспрашивать Ивана Ивановича, что это за машинка да как она сделана.

Иван Иванович стал объяснять.

А машинка убежала в лес, гоняет белок, заливается, как колокольчик.

Мальчик выслушал Ивана

Ивановича, засмеялся и говорит:

— Нет, вы прямо настоящий волшебник.

— Да, вроде этого,— отвечает Иван Иванович.

— Вы, наверное, всё можете сделать?

— Да,— отвечает Иван Иванович.

— Ну, а можете вы, например, мою лошадь превратить в кошку?

— Отчего же!—отвечает Иван Иванович.

Вынул он из жилетного кармана маленький прибор.

— Это, — говорит, — уменьшительное зоологическое волшебное стекло. Раз, два, три!

И направил он уменьшительное волшебное стекло на лошадь.

И вдруг—вот чудеса-то!—дуга стала крошечной, оглобли тоненькими, сбруя лёгонькой, вожжи повисли тесёмочками. И увидел мальчик: вместо коня запряжена в его телегу кошка. Стоит кошка важно, как конь, и роет землю передней лапкой, словно копытом. Потрогал её мальчик—шёрстка мягкая. Погладил—замурлыкала. Настоящая кошка, только в упряжке.

Посмеялись они.

Тут из лесу выбежала чудесная машинка. И вдруг остановилась, как вкопанная. И стала она давать тревожные звонки, и красные лампочки зажглись у нее на спинке.

— Что такое? — испугался Иван Иванович.

— Как что?—закричала машинка.—Вы, по рассеянности, забыли, что наше увеличительное зоологическое волшебное стекло лежит в ремонте на стекольном заводе! Как же вы теперь превратите кошку опять в лошадь?

Что тут делать?

Мальчик плачет, кошка мяукает, машинка звонит, а Иван Иванович просит:

— Пожалуйста, прошу вас, потише, не мешайте мне размышлять.

Подумал он, подумал и говорит:

— Нечего, друзья, плакать, нечего мяукать, нечего звонить. Лошадь, конечно, превратилась в кошку, но сила в ней осталась прежняя, лошадиная. Поезжай, мальчик, спокойно на этой кошке в одну лошадиную силу. А ровно через месяц я, не выходя из дому, направлю на кошку волшебное увеличительное стекло, и она снова станет лошадью.

Успокоился мальчик.

Дал свой адрес Ивану Ивановичу, дёрнул вожжи, сказал: «Но!» И повезла кошка телегу.

Когда вернулись они с мельницы домой, в село Мурино, сбежались все, от мала до велика, удивляться на чудесную кошку.

Распряг мальчик кошку.

Собаки было бросились на неё, а она как ударит их лапкой во всю свою лошадиную силу. И тут собаки сразу поняли, что с такой кошечкой лучше не связываться.

Привели кошку в дом. Стала она жить-поживать. Кошка, как кошка. Мышей ловит, молоко лакает, на печке дремлет. А утром запрягут её в телегу, и работает кошка, как лошадь.

Все её очень полюбили и забыли даже, что была она когда-то лошадью.

Так прошло двадцать пять дней.

Ночью дремлет кошка на печи.

Вдруг — бах! Бум! Трах-тах-тах!

Все вскочили.

Зажгли свет.

И видят: печь развалилась по кирпичикам. А на кирпичах лежит лошадь и глядит, подняв уши, ничего со сна понять не может.

Что же, оказывается, произошло?

В эту самую ночь принесли Ивану Ивановичу из ремонта увеличительное зоологическое волшебное стекло. Машинка на ночь уже разобралась. А сам Иван Иванович не догадался сказать по телефону в село Мурино, чтобы вывели кошку во двор из комнаты, что он сейчас будет превращать её в лошадь. Никого не предупредивши, направил он волшебный прибор по указанному адресу. Раз, два, три! — и очутилась на печке, вместо кошки, целая лошадь. Конечно, печка под такой тяжестью развалилась на мелкие кирпичики.

Но всё кончилось хорошо.

Иван Иванович на другой же день построил им печку ещё лучше прежней.

А лошадь так и осталась лошадью.

Но, правда, завелись у неё кошачьи повадки.

Пашет она землю, тянет плуг, старается — и вдруг увидит полевую мышь. И сейчас же всё забудет, стрелой бросается на добычу.

И ржать она разучилась.

Мяукала басом.

И нрав у неё остался кошачий, вольнолюбивый. На ночь конюшню перестали запирать. Если запрёшь — кричит лошадь на всё село:

— Мяу! Мяу!

По ночам открывала она ворота конюшни копытом и неслышно выходила во двор. Мышей подкарауливала, крыс подстерегала. Или легко, как кошка, взлетала лошадь на крышу и бродила там до рассвета. Другие кошки её любили. Дружили с ней. Играли. Ходили к ней в гости в конюшню, рассказывали ей обо всех своих кошачьих делах, а она им — о лошадиных. И они понимали друг друга, как самые лучшие друзья.

ЗАГАДОЧНАЯ БАСНЯ КРЫЛОВА

Васин щенок разорвал книгу басен Крылова. А Васе как раз задали выучить басню. Что было делать? Вася собрал обрывки книжки, подклеил так, чтобы вышло складно, и на следующий день у доски прочитал наизусть такую басню:

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда,—висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
То к темю их прижмёт, то их
на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата.
Вдруг сырный дух Лису остановил.
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр
пленил.
Плутовка к дереву... Ну на него
метаться.
И лаять, и визжать, и рваться.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с дуба Ворон говорит...
«Соседка, перестань срамиться»...
«За дерзость такову
Я голову с тебя сорву.
Пора тебе за ум хватиться!»
Вот, пуще прежнего, пошли у них
раздоры и споры.
Тут Воробей, случась, примолвил им:
«Друзья!
Вороне где-то бог послал кусочек
сыру.
В нём проку мало вижу я».

Уж сколько раз твердили миру,
Невежды судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них
пустяк.

Класс смеялся. Учитель сказал:

— Каждая строчка написана Крыловым, это верно. Но Крылов этой басни не писал.

Как же так? Не объясните ли вы, ребята, Васину загадочную басню?

Рисунок на обложке А. Ермолаева

Год издания двадцать второй | Цена 2 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 2/III 1945 г. А15666. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 744.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва. Краснопролетарская, 16.